

М. А. Кондратюк

КОРИНФСКАЯ ЛИГА И ЕЕ РОЛЬ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ГРЕЦИИ 30—20-х гг. IV в. до н. э.

В ИСТОРИИ античной Греции с середины IV в. до н. э. стержневой линией внешней и внутренней политики полисов в связи с усилением Македонии и ростом ее захватнических устремлений становятся греко-македонские отношения. Переломным моментом в этих отношениях явилось заключение общего мира после поражения эллинов при Херонее и создание Коринфской лиги. Коринфская лига — организация, объединившая греческие полисы под гегемонией македонского царя, обычно рассматривается в современной историографии как творение Филиппа II¹, использовавшееся македонскими царями для контроля над Грецией². Широко распространены также утверждения, что лига была навязана грекам волей завоевателя³; объединение же Греции в рамках этой организации было искусственным и эфемерным⁴.

Использование Коринфской лиги Македонией в своих политических интересах несомненно. Однако при такой в целом справедливой оценке, какая дается лиге в современной историографии, остается невыясненным немаловажный вопрос — какова была роль этой общегреческой организации в политической истории собственно Греции периода 30—20-х гг. IV в. до н. э.

Имеющиеся в нашем распоряжении источники касаются деятельности лиги главным образом в связи с событиями, свидетельствующими о нарушении Коринфского договора (Эсхин, Псевдо-Демосфен, Арриан, Диодор, Юстин, Курций Руф). Среди них наибольшую ценность представляет речь о нарушении договора Александром (Περὶ τῶν πρὸς Ἀλέξανδρον συνθηκῶν), дошедшая среди речей Демосфена (IDem.), XVII). Речь была произнесена, по-видимому, в 332/1 г. во время дискуссий в афинской экклесии

¹ Наиболее полно эта мысль развивается в работах У. Вилькена: U. Wilcken, Beiträge zur Geschichte des Korinthischen Bundes, München, 1917; Alexander der Grosse und der Korinthische Bund, B., 1922; Philipp II von Makedonien und die panhellenische Idee, в кн. Philip and Athens, N. Y., 1973; Griechische Geschichte, B., 1958; Alexander the Great, N. Y., 1967.

² J. A. O. Larsen, Representative Government in the Panhellenic Leagues, CPPh, 20, 1925, стр. 326; C. A. Robinson, Alexander the Great, N. Y., 1947.

³ J. A. O. Larsen, Representative Government in the Panhellenic Leagues, CP, 21, 1926, стр. 58 сл., 70; см. также Э. Д. Фролов, Коринфский конгресс 338/7 г. до н. э. и объединение Эллады, ВДИ, 1974, № 1, стр. 62.

⁴ Там же.

в связи со спартанскими событиями⁵ представителем антимакедонского направления, сторонником открытой войны с Александром⁶. Этот источник весьма ценен, так как в нем перечислены пункты договора, заключенного македонским царем с греческими полисами, объединенными в лигу. В связи с тем, что условия договора при Александре оставались теми же, что и при Филиппе, источник вдвойне ценен, так как благодаря ему мы знаем о первоначальном договоре Греции с Македонией. Ценность его тем более велика, что надпись, зафиксировавшая этот договор⁷, сохранилась очень плохо, и многие пункты его нам известны лишь из данной речи.

Известно, что Филипп, а позднее Александр были гегемонами Коринфской лиги. Поздние античные авторы вкладывали в термин «гегемон» различное содержание. У некоторых авторов этот термин служит для обозначения не только главы лиги, но и командующего войсками⁸; иногда «гегемон» обозначает только командующего войсками⁹. В отличие от других поздних авторов Диодор использует термин ἡγεμών для обозначения главы эллинской лиги (применительно как к Филиппу, так и к Александру), а для командующего войсками применяет термин «стратег-автократор» (στρατηγὸς αὐτοκράτωρ)¹⁰. Термины «гегемон» и «стратег-автократор» именно в таком значении, в каком употреблял их сицилийский историк, используются обычно в современной научной литературе.

Как известно, полисы должны были по условиям договора поставлять контингенты для войны с Персией. Однако для греко-македонской армии большое значение имела из греческих отрядов лишь фессалийская конница (Diod., XVII, 17,4). Нужно вместе с тем учитывать, что Фессалия была связана с Македонией гораздо более тесными узами, чем любое другое греческое государство, еще со второй половины 40-х гг. IV в. до н. э., т. е. до создания общеэллинской лиги, и фессалийская конница уже тогда была, по-видимому, присоединена к македонской армии. Так что и при Александре фессалийские отряды занимали несколько особое положение по сравнению с другими греческими контингентами, были на положении если и союзников, то подчиненных. Из остальных греческих государств поставляемые контингенты были, видимо, очень незначительны, и служили скорее гарантом спокойствия греческих государств, чем реаль-

⁵ V. Ehrenberg, *Alexander and the Greeks*, Oxf., 1938, стр. 31; N. G. L. Hammond, *A History of Greece to 322 B. C.*, Oxf., 1959, стр. 619; G. L. Sawkwell, *The Crowning of Demosthenes*, CQ, 19, 1969, стр. 178. Другая возможная дата — 335 г. до н. э. См. J. F. Dobson, *The Greek Orators*, L., 1919, стр. 267; С. И. Радциг, Демосфен — оратор и политический деятель, в кн. Демосфен, Речь, М., 1954, стр. 545; Фролов, ук. соч. стр. 45.

⁶ Речь была произнесена либо Гиперидом ([Dem.], XVII, введение Либания), либо Гегесиппом, придерживающимся, по-видимому, тех же взглядов в отношении македонской гегемонии, что и Гиперид.

⁷ Syll.³, 260.

⁸ Plut., *Alex.* XIV; Юстин использует один общий термин — *dux Graeciae* — IX, 4, 2 (о Филиппе); XI, 2, 4 (об Александре).

⁹ Polyb., IX, 33; Arr., I, 1, 2.

¹⁰ Diod., XVI, 64; 89; 91; XVII, 4, 9. То, что термин «гегемон» Диодор использует для обозначения главы общеэллинского союза, а не командующего войсками подтверждает отрывок, где говорится, что после смерти Филиппа афиняне и фиванцы постановили не уступать Александру гегемонии над эллинами: ...τῆς ἡγεμονίας τῶν Ἑλλήνων οὐκ ἐξέχωρον τοῖς Μακεδόσι... — (о решении афинян); ...ἐψηφίσαντο, τῷ δ' Ἀλέξανδρῳ μὴ συγχωρεῖν τὴν τῶν Ἑλλήνων ἡγεμονίαν — (о фиванцах), а также тот отрывок, в котором рассказывается об отбытии к Александру при его вступлении в Беотию афинского посольства, которое выражает готовность афинян уступить Александру гегемонию над Элладой: Πρὸς δὲ τὸν Ἀλέξανδρον πρέσβεις ἐξαπεστείλαν, ἀξιούντες συγχωρεῖν εἰς τὴν ἡγεμονίαν μὴ ταχέως συγχωροῦσιν (Diod., XVII, 3, 2, 4; 4, 6).

ной боевой силой¹¹. Гораздо большее значение для Македонии как государства сухопутного должен был бы иметь греческий флот. Известно, что во флоте Александра было 20 афинских кораблей, которые составляли весьма незначительную часть афинского флота и поэтому справедливо рассматриваются лишь как «залог верности»¹².

Таким образом, термин «симмахия» определял скорее формальный, чем действительный характер лиги даже для Македонии, не говоря уже о греческих государствах.

Что касается «общего мира», то он являлся основным принципом лиги как общегреческой организации и поддерживался Македонией, так как именно его проведение в жизнь обеспечивало бы спокойствие греческого тыла, необходимое македонскому царю во время его пребывания на Востоке. Как гегемон царь Македонии должен был быть стражем этого «общего мира». Именно в таком качестве выступал Александр в 335 и 331 гг. во время фиванских и спартанских событий.

Однако вряд ли можно рассматривать Коринфскую лигу лишь как осуществление «общего мира»¹³; односторонним является также взгляд на нее только как на симмахию¹⁴. Имеющиеся в нашем распоряжении источники позволяют говорить, как правильно отмечает Эренберг¹⁵, о сочетании в лиге «общего мира» и симмахии.

Относительно того, от кого исходила инициатива в назначении Александра гегемоном эллинской лиги, у древних авторов разногласий нет. Диодор (XVII, 4, 9), Арриан (I, 1, 2) и Юстин (XI, 2, 5) единодушны в том, что инициатором выступал он сам. Лишь одно место в биографии Александра у Плутарха дает возможность предполагать, что инициаторами были греки¹⁶. Однако этот отрывок вряд ли может приниматься всерьез, так как в данном месте у Плутарха налицо явная контаминация, встречающаяся у него и при описании других событий.

Сведения источников об отношении греческих государств к назначению Александра гегемоном скудны и противоречивы. Вместе с тем вопрос этот очень важен, так как отражает отношение греков к македонской гегемонии и к царской власти, ибо гегемоном общегреческой лиги стал сначала Филипп, а затем Александр, не как частное лицо, а именно как царь Македонии¹⁷; важен этот вопрос и потому, что именно в качестве гегемона обосновывал требования на лидерство в Греции Александр¹⁸.

О назначении Александра, как и Филиппа, гегемоном известно лишь из поздних авторов. Почти полное отсутствие сведений о данных конкретных событиях в современных им афинских источниках можно объяснить отчасти специфическим характером этих источников, отчасти же тем, что события эти могли быть настолько хорошо известны слушателям, что ораторам не было необходимости напоминать о них. Не упоминается о них и

¹¹ См. W. T a r n, Greece: 335 to 321, САН, VI, 1927, стр. 358, 363; W i l c k e n, Alexander the Great..., стр. 76; R o b i n s o n, Alexander the Great..., стр. 66; M. R o s t o v t z e f i, A History of the Ancient World, Oxf., 1930, стр. 331; ср. А. С. Ш о ф м а н, Армия и военные преобразования Александра Македонского, ВДИ, 1972, № 1, стр. 179.

¹² Ю. Б е л о х, История Греции, т. II, М., 1905, стр. 375; M. L. W. L a i s t n e r, A History of Greek World from 479 to 323 B. C., L., 1947, стр. 297.

¹³ C. R o e b u c k, The Settlements of Philip II with the Greek States in 338 B. C., в кн. Philip and Athens, N. Y., 1973; T. T. B. R y d e r, Koine Eirene. General Peace and Local Independence in Ancient Greece, L., 1965.

¹⁴ Именно так определяет лигу У. Вилькен. Как симмахию традиционного гегемонистского типа рассматривает Коринфскую лигу Э. Д. Фролов (ук. соч., стр. 62).

¹⁵ V. E h r e n b e r g, The Greek State, L., 1969, стр. 273.

¹⁶ P l u t., Alex XIV.

¹⁷ E h r e n b e r g, Alexander and the Greeks, стр. 33.

¹⁸ L a r s e n, ук. соч., CP, 21, 1926, стр. 53, 61.

в XVII речи демосфеновского корпуса, хотя вся она посвящена нарушению условий договора гегемоном лиги.

В исторической литературе можно встретить замечание, что Афины вынуждены были присоединиться к лиге. Что касается древних авторов, то лишь у Диодора (XVII, 4, 6) мы встречаем указание на то, что афиняне предоставили Александру гегемонию из страха перед ним. В речи, произнесенной представителем антимакедонского направления (*Dem.*, XVII), должно было бы найти место упоминание или по крайней мере косвенное отражение той обстановки недовольства и вынужденности, в которой происходило признание Александра гегемоном. Однако тон всей речи, произнесенной представителем антимакедонского направления, подчеркивание необходимости сохранять условия договора с обеих сторон, заставляет усомниться в том, что присоединение Афин к лиге и признание македонского царя ее гегемоном было принудительным.

В годы, предшествующие Херонейской битве, среди других районов материковой Греции наиболее сложная политическая обстановка создавалась в Пелопоннесе. Ориентация ряда государств на Македонию определялась в значительной степени их ненавистью к Спарте. Лишь благодаря активной дипломатической деятельности представителей афинской антимакедонской партии пелопоннесские государства не присоединились к Македонии во время Херонейского сражения и сохраняли нейтралитет. После разгрома союзных греческих войск при Херонее, приступая к решению пелопоннесской проблемы, Филипп использует постоянную готовность ряда пелопоннесских государств ослабить Спарту, своего потенциального врага. Территориальные урегулирования за счет Спарты, произведенные Филиппом при активном участии Мессены, Элиды, аркадских городов и Аргоса, привели не только к экономическому и военному ослаблению Спарты, но одновременно усилили ее врагов¹⁹.

Спарта, согласно Павсанию (VII, 10, 3), в правление Филиппа была единственным греческим городом, где не было сторонников Македонии. Ссылаясь на данное замечание Павсания, Роубак²⁰ считает, что именно поэтому Спарта не вошла в Коринфскую лигу. Ни один из античных авторов, повествующих о выступлении Спарты против Македонии в конце 30-х гг. IV в. до н. э., не говорит о внутривосточной борьбе накануне или во время восстания. Отсутствие каких-либо намеков на политическую борьбу в Спарте и замечания Динарха (I, 34), что во время восстания Агиса против Македонии выступили все лакедемоняне (*Λακεδαιμόνιοι... ἅπαντες*), и Диодора (XVII, 62, 8), что спартанцы выступили «всем народом» (*πανδύμοι*), свидетельствуют об отсутствии в Спарте при Александре как и при Филиппе, промакедонской группировки. Это, действительно, могло быть одной из причин, по которой Спарта не вошла в лигу не только при Филиппе, но и при его сыне.

Отторжение от Спарты пограничных территорий в 338/7 г. по своим социально-экономическим последствиям, конечно, не сравнимо с потерей ею Мессении. Тем не менее даже потеря не столь значительных территорий в 338/7 г. была весьма чувствительной для Спарты, которая так и не смогла оправиться от удара, нанесенного ей Эпаминондом. Спарта, не признававшая вплоть до 330 г. независимое Мессенское государство, не признавала законности и территориальных урегулирований Филиппа и вследствие этого могла оставаться вне Коринфского договора²¹. Если согласиться с вполне вероятным предположением Бадиана, что решение ос-

¹⁹ А г р., VII, 9, 5; P o l y b., IX, 28, 7; XVIII, 14, 6—7; P a u s., V, 4, 9.

²⁰ R o e b u c k, ук. соч., стр. 74.

²¹ R y d e r, ук. соч., стр. 104.

таваться в стороне от общегреческой лиги было принято Агисом III, ставшим к этому времени царем²², то, можно думать, Агис руководствовался при этом соображениями о выступлении в будущем против Македонии. Иными словами, Спарта не связывала себя договором, чтобы, собрав силы, иметь возможность выступить против Александра²³. Последующие события — постепенное укрепление спартанского могущества, тщательная подготовка восстания — показывают, что такое предположение вполне возможно. Вместе с тем то обстоятельство, что Спарта оставалась вне Коринфского договора, могло быть использовано как Филиппом, так и Александром в своих целях. Создание вокруг Спарты своего рода кордона из государств, поставленных благодаря территориальным приобретениям в какую-то зависимость от Македонии, позволяло без особой боязни оставить Спарту независимой. В то же время существование независимого спартанского государства создавало некоторую угрозу целлопоннесским государствам, соседствующим со Спартой, что также ставило их в зависимое положение от Македонии и превращало в верных союзников македонского царя, надежных членов Коринфской лиги. Иногда в исторической литературе высказывается мнение, что Филипп не настаивал на присоединении Спарты к общегреческой лиге только лишь потому, что она (Спарта) не стоила внимания²⁴. При таком взгляде не учитывается та сложная ситуация в Пелопоннесе, в которой прекрасно разбирался Филипп и учитывал ее в полной мере в интересах Македонии. Что данный взгляд является односторонним, подтверждает факт включения Александром в Коринфскую лигу Спарты, обесиленной после разгрома восстания, однако уже вышедшей из той изоляции, в какой она оказалась после Херонейского сражения.

Помимо Спарты государствами, которые могли бы представлять реальную угрозу македонской гегемонии в Греции, были Афины и Фивы.

Для Македонии было необходимо сохранение нейтралитета со стороны Афин — самого могущественного морского государства Греции. В афинском народном собрании предложение Демада, ставшего ко времени создания лиги одним из руководителей промакедонского направления, об участии Афин в общем мирном договоре (*κοινή ειρήνη*) и синедрионе эллинов²⁵ прошло без какого-либо сопротивления. Объясняется это не только закономерным усилением позиций промакедонской группировки после Херонеи. При сохранении политической самостоятельности Афинского государства сильный удар был нанесен экономике Афин отторжением от них Херсонеса Фракийского, следствием чего явился переход под македонский контроль понтийского хлебного пути, по существу всей морской торговли с Понтом, что поставило Афины в экономическую зависимость от Македонии. С таким положением руководители антимакедонского направления не могли не считаться. Таким образом, сильные позиции промакедонской группировки после Херонеи и трезвая оценка сложившейся ситуации со стороны руководителей антимакедонского направления обеспечивали в целом сохранение Афинами нейтралитета в рамках Коринфской лиги.

Спокойствия в Пелопоннесе, как уже отмечалось, можно было добиться путем по крайней мере временной изоляции Спарты за счет ее ослабле-

²² E. V a d i a n, Agis III, «Hermes», 1967, 95, стр. 171 сл.

²³ Ср. А. С. Ш о ф м а н, Первый этап антимакедонского движения периода восточных походов Александра Македонского, ВДИ, 1973, № 4, стр. 127; он же, Восточная политика Александра Македонского, Казань, 1976, стр. 427.

²⁴ См., например, W. G. F o r r e s t, A History of Sparta 950—192 B. C., L. 1968, стр. 139.

²⁵ Plut., Phoc. XVI.

ния и усиления ее потенциальных врагов — членов лиги, даже при том условии, что Спарта оставалась вне общегреческой организации. В отношении Фив нельзя было рассчитывать на их изоляцию, так как даже при том условии, что распускался Фиванский союз и беотийские города объявлялись автономными, что делало их, постоянных фиванских врагов, верными македонскими союзниками и в свою очередь ослабляло Фивы, сохранение в Центральной Греции демократических Афин делало эту изоляцию невозможной; трудно было рассчитывать и на нейтралитет Фив, если бы там сохранялся существующий демократический строй. Кроме того, при вынужденном сохранении Афин — могущественного морского государства — нельзя было бы рассчитывать на его нейтралитет, если бы рядом существовали демократические Фивы, бывшие самым сильным сухопутным греческим государством. Ввиду всего этого Фивы оказались единственным государством, где демократический строй был заменен олигархическим не в результате выступлений промакедонски настроенных греков, как то было в ряде других государств после Херонеи, а вооруженными силами Филиппа, т. е. вмешательством извне²⁶. Однако несмотря на свержение демократии и как следствие этого изгнания многих фиванцев-демократов, в Фивах, по-видимому, сохранялась достаточно сильная антимакедонская оппозиция, так как Фиванское государство оказалось одним из немногих государств, которые отказывались признать гегемонию Александра после смерти Филиппа²⁷.

Что касается беотийских и фокидских городов, боявшихся усиления Фив, то они должны были охотно признать гегемонию македонского царя, так же как и те целопоннесские государства, которые не были заинтересованы в усилении Спарты, т. е. признание македонской гегемонии со стороны целого ряда греческих государств можно объяснить межполисной борьбой: второстепенные греческие государства предпочитают гегемонию македонского царя гегемонии одного из ведущих греческих государств.

Возвращаясь к вопросу о том, от кого исходила инициатива в назначении Александра гегемоном лиги, можно сделать вывод, что инициатива, безусловно, шла от македонского царя, а не от греков. Даже в Фессалии и у фессалийских племен, ставших к началу 30-х гг. IV в. до н. э. верными союзниками Филиппа и сражавшихся при Херонее на стороне Македонии, Александру пришлось действовать убеждением и широкими обещаниями (*μεγαλας καταγγελίας μετωρισας, ελπίσε*)²⁸, чтобы быть признанным гегемоном Эллады. В целом же в Греции его предложение было встречено хоть и без особого энтузиазма, но и без сопротивления.

В исторической литературе неоднократно высказывалось мнение, что Коринфская лига была навязана грекам волей завоевателя. Конечно, создание общегреческой организации под гегемонией македонского царя стало возможным лишь после победы македонской армии над союзными греческими войсками. Вместе с тем даже и при этом условии такая организация не могла бы быть создана и тем более функционировать на протяжении полутора десятков лет, если бы Филипп, а позднее Александр не получали поддержку со стороны олигархических кругов демократических полисов и если бы на Македонию к этому времени не ориентировался ряд второстепенных греческих государств. Именно эта промакедонская на-

²⁶ Филипп оставил в Фивах македонский гарнизон; им же были возвращены в город политические изгнанники — олигархи, а демократы отправлены в изгнание; из возвращенных изгнанников Филиппом был назначен олигархический Совет Трехсот (Diod., XVI, 87,3; Paus., IX, 1, 8; 6, 5; Just., IX, 4, 7—8).

²⁷ Diod., XVII, 3, 4.

²⁸ Diod., XVII, 4, 1.

правленность проявила себя при решении греческими государствами вопроса о назначении гегемоном македонского царя.

Основой отношений македонских царей с греческими государствами был договор Коринфской лиги. Как отмечалось выше, условия, на которых был заключен этот договор, оставались в силе и при Александре. Так как Александр требовал гегемонии над Грецией как наследственной²⁹, он вряд ли возобновлял договор формально; поэтому не может идти речь и о каком-либо изменении условий договора Александром при урегулировании им взаимоотношений с греками после смерти Филиппа.

Одним из первых условий в договоре между греками и македонским царем было сохранение свободы (*ἐλευθερία*) и автономии (*αὐτονομία*) греков — членов лиги ([Dem.], XVII, 8). Само по себе это условие, как правильно отмечает Ларсен³⁰, было обычным для симмахий. Но не следует забывать, что Коринфская лига была не обычной симмахией под властью гегемона, ибо здесь гегемоном выступал царь, и что лига была одновременно осуществлением лозунга *κοινῆ εἰρήνη*. Если можно считать греческие города свободными и независимыми союзниками Александра, как это делают Тарн³¹ и Эренберг³², то лишь в качестве участников симмахии.

Однако гораздо большее значение для греческих государств имела Коринфская лига не как военный союз с македонским царем, а как организация, осуществляющая в Греции «общий мир», стражем которого и должен был быть гегемон. Именно одним из главных условий «общего мира» и было сохранение свободы и автономии греческих государств. На необходимости сохранения свободы и автономии делается главный акцент в речи представителя антимакедонского направления ([Dem.], XVII) в связи с нарушением Александром договора о мире. Сами эллины, судя по данной речи, трактовали эти понятия, имевшие в политической жизни греческих государств первостепенное значение, так же как и прежде, до 338 г. С подобной же трактовкой представлений о свободе и автономии греческих полисов мы встречаемся при описании Диодором фиванского и спартанского восстаний (XVII, 9,1; 62,6). Поставленные в Коринфском договоре в качестве основных условий «свобода» и «автономия» были, с одной стороны, уступкой македонского царя эллинам, с другой, — в конкретной исторической действительности 30—20-х гг. IV в. до н. э. эти понятия были наполнены определенным содержанием, оказывавшим значительное воздействие на политическую жизнь греческих полисов.

Как посягательство на свободу и автономию рассматривалось автором XVII речи демосфеновского корпуса (§ 8) восстановление Александром тирании в Мессене. Этим актом, по мнению оратора, было нарушено одно из основных положений Коринфского договора — сохранение в неприкосновенности существующих конституций (XVII, 7, 10).

За период после Херонейской битвы и до образования Коринфской лиги во многих греческих государствах был насильственно изменен политический строй. В ряде полисов были установлены промакедонские правительства³³. Лишь в отношении Фив имеется свидетельство, что Филипп лично вмешался в устройство политической организации города. В ос-

²⁹ Ryder, ук. соч., стр. 159.

³⁰ J. A. O. Larsen, Federation for peace in ancient Greece, CP, 39, 1944, стр. 161.

³¹ САН, VI, стр. 372, 432.

³² Ehrenberg, Alexander and the Greeks, стр. 25, 31, 34.

³³ Нур., Athen. 29—35; Лус., Leocr. 42; Аел., VI, I; Паус., V, 20, 10; VI, 11, 1; см. Роевуск, ук. соч., стр. 83.

правленность проявила себя при решении греческими государствами вопроса о назначении гегемоном македонского царя.

Основой отношений македонских царей с греческими государствами был договор Коринфской лиги. Как отмечалось выше, условия, на которых был заключен этот договор, оставались в силе и при Александре. Так как Александр требовал гегемонии над Грецией как наследственной²⁹, он вряд ли возобновлял договор формально; поэтому не может идти речь и о каком-либо изменении условий договора Александром при урегулировании им взаимоотношений с греками после смерти Филиппа.

Одним из первых условий в договоре между греками и македонским царем было сохранение свободы (*ελευθερία*) и автономии (*αὐτονομία*) греков — членов лиги (IDem.), XVII, 8). Само по себе это условие, как правильно отмечает Ларсен³⁰, было обычным для симмахий. Но не следует забывать, что Коринфская лига была не обычной симмахией под властью гегемона, ибо здесь гегемоном выступал царь, и что лига была одновременно осуществлением лозунга *κοινὴ εἰρήνη*. Если и можно считать греческие города свободными и независимыми союзниками Александра, как это делают Тарн³¹ и Эренберг³², то лишь в качестве участников симмахии.

Однако гораздо большее значение для греческих государств имела Коринфская лига не как военный союз с македонским царем, а как организация, осуществляющая в Греции «общий мир», стражем которого и должен был быть гегемон. Именно одним из главных условий «общего мира» и было сохранение свободы и автономии греческих государств. На необходимости сохранения свободы и автономии делается главный акцент в речи представителя антимакедонского направления (IDem.), XVII) в связи с нарушением Александром договора о мире. Сами эллины, судя по данной речи, трактовали эти понятия, имевшие в политической жизни греческих государств первостепенное значение, так же как и прежде, до 338 г. С подобной же трактовкой представлений о свободе и автономии греческих полисов мы встречаемся при описании Диодором фиванского и спартанского восстаний (XVII, 9,1; 62,6). Поставленные в Коринфском договоре в качестве основных условий «свобода» и «автономия» были, с одной стороны, уступкой македонского царя эллинам, с другой, — в конкретной исторической действительности 30—20-х гг. IV в. до н. э. эти понятия были наполнены определенным содержанием, оказывавшим значительное воздействие на политическую жизнь греческих полисов.

Как посягательство на свободу и автономию рассматривалось автором XVII речи демосфеновского корпуса (§ 8) восстановление Александром тирании в Мессене. Этим актом, по мнению оратора, было нарушено одно из основных положений Коринфского договора — сохранение в неприкосновенности существующих конституций (XVII, 7, 10).

За период после Херонейской битвы и до образования Коринфской лиги во многих греческих государствах был насильственно изменен политический строй. В ряде полисов были установлены промакедонские правительства³³. Лишь в отношении Фив имеется свидетельство, что Филипп лично вмешался в устройство политической организации города. В ос-

²⁹ Rydger, ук. соч., стр. 159.

³⁰ J. A. O. Larsen, Federation for peace in ancient Greece, CP, 39, 1944, стр. 161.

³¹ САН, VI, стр. 372, 432.

³² Ehrenberg, Alexander and the Greeks, стр. 25, 31, 34.

³³ Нур., Athen. 29—35; Lyc., Leocr. 42; Ael., VI, I; Paus., V, 20, 10; VI, 11, 1; см. Роевуск, ук. соч., стр. 83.

тальных полисах изменение государственного устройства происходило благодаря действиям его приверженцев³⁴.

Таким образом, когда при оформлении Коринфского договора одним из основных условий было поставлено сохранение status quo³⁵, это означало для многих греческих полисов сохранение в неприкосновенности олигархических конституций. Причем порядок этот, введенный Филиппом, должен был сохраняться, согласно договору, и при Александре.

По мнению Тарна, сильной стороной договора Коринфской лиги было предоставление равных прав для всех государств, в то время как прежде переманное господство Афин, Спарты и Фив эти права нарушало³⁶. Аналогичную точку зрения высказывает Райдер. В своей оценке того значения, какое имело предоставление свободы и автономии всем греческим полисам, он идет еще дальше Тарна. По его мнению, даже под македонским господством небольшие государства были более свободны, чем в золотой век греческой свободы³⁷.

Для выяснения отношений греческих государств к Македонии и межполисных отношений в рамках Коринфской лиги некоторый материал дают античные авторы при описании фиванского и спартанского восстаний. В 335 г. фиванские изгнанники-демократы, тайно вернувшись в Фивы, обратились к народу с призывом избавиться от македонской власти (Arr., I, 7, 1—2). Диодор так пишет о совещании руководителей государства относительно выступления против Македонии: «... συνεδρεύσαντες οἱ ἡγεμόνες προεβουλεύσαντο περὶ τοῦ πολέμου, καὶ πᾶσιν ἔδοξεν ὑπὲρ τῆς αὐτονομίας διαγωνίζεσθαι (Diod., XVII, 9, 4). Несколько позднее, когда Александр уже построил войско для сражения, фиванцы обратились с призывом присоединиться к ним всем, кто желает освободить эллинов (ἐλευθεροῦν τοὺς Ἑλληνας)³⁸. Причем призыв этот был сделан в ответ на следующее объявление Александра: «... τὸν βουλόμενον Θηβαίων ἀπιέναι πρὸς αὐτὸν καὶ μετέχειν τῆς κοινῆς τοῖς Ἑλλήσιν εἰρήνης». (Diod., XVII, 9, 5). Таким образом, руководители фиванского восстания выступали под лозунгом восстановления свободы и автономии, Александр же — как защитник «общего мира» (κοινὴ εἰρήνη). Единственным государством, откликнувшимся на призыв фиванцев, оказалась Аркадия (Din., I, 18—20). Однако аркадские вооруженные силы дошли лишь до Истма и оттуда вернулись к себе на родину, так и не оказав помощи Фивам. В Аркадии шла политическая борьба и давление в решающий момент могли оказать руководители Аркадской лиги. Такое предположение вполне вероятно, так как после разгрома Фив руководители Аркадской лиги приказали казнить тех, кто советовал послать отряды к Фивам (Arr., I, 10, 1).

Наибольшие надежды на помощь в выступлении против Македонии Фивы, естественно, возлагали на Афины, от действий которых в большой степени зависел итог фиванского восстания. В позиции Афин во время фиванских событий нашла отражение острая политическая борьба внутри государства. Бурные дебаты по вопросу об оказании помощи Фивам, по-видимому, происходили в афинской экклесии. Активную позицию занял Демосфен, не изменивший основной линии в своей политике по отношению к Фивам. Именно по его совету (πεισθέντες ὑπὸ Δημόσθενος) афинское народное собрание постановило помочь фиванцам (Diod., XVII, 8, 6). Однако помощь ограничилась посылкой в Фивы оружия, купленного Демосфеном на собственные средства (Diod., XVII, 8, 5) и отправленного в Фивы еще

³⁴ R o e b u c k, ук. соч., стр. 88—90.

³⁵ [D e m.], XVII, 7, 10; Syll.³, 260, стр. 13.

³⁶ САН, VI, стр. 438 сл.

³⁷ R y d e r, ук. соч., стк. 110.

³⁸ D i o d., XVII, 9, 5; см. также А г г., I, 7, 1—2.

до того, как было принято упомянутое выше решение эkkлeсии, когда фиванцы только обратились за помощью к Афинам. Как пишет Диодор, войска афиняне не послали, выжидая «поворота в войне» (*παράδοχοντες τὴν ῥοπὴν τοῦ πολέμου* — XVII, 8, 6). Такая сочувственная, но бездеятельная позиция «наблюдателей» была характерна не только для Афин, но и для других греческих государств (см. *Diod.*, XVII с 10, 1). Что касается позиции Афин во время фиванских событий, то здесь нужно принимать во внимание не только достаточно прочное положение, занимаемое в этот период промакедонской группировкой. На отношениях между Афинами и Фивами неблагоприятно отразилась, по-видимому, передача Филиппом Оропа³⁹, так как это могло возродить недружественные отношения между двумя государствами, существовавшие до 339 г. Слова Эсхина на процессе о венке о фиванцах, которых наказание постигло заслуженно (речь идет о разрушении Фив. — *М. К.*), ибо они принимали неверные решения по важнейшим делам (*περὶ τῶν ὄλων οὐκ ὀρθῶς βουλευσάμενοι* — *Aesch.*, III, 133), отражали, видимо, отношение не одного только Эсхина, но и какой-то части афинских граждан к политике, проводимой в 335 г. до и. э. демократическим фиванским государством. Антифиванская настроенность афинских граждан могла усилиться особенно в связи со стремлением Фив вернуться к прежней политике — господства над беотийскими городами. По свидетельству Арриана, когда в Фивах решался вопрос о военных действиях против Александра, склоняли народ к войне беотархи из бывших изгнанников-демократов: *οἱ φυγάδες δὲ καὶ ὅσοι τοὺς φυγάδας ἐπιτεκμημένοι ἦσαν, οὐδενός φιλανθρώπου τυχεῖν ἂν παρ' Ἀλεξάνδρου ἀξιοῦντες, ἄλλως τε καὶ βοιωταρχοῦντες ἐστῖν οἱ αὐτῶν, παντάπασιν ἐνήγον τὸ πλῆθος ἐς τὸν πόλεμον* (*Агг.*, I, 7, 14). Таким образом, Фивы, по-видимому, вновь претендовали на гегемонию над беотийскими городами.

Когда стало известно о выступлении Фив, антимакедонское движение началось в Этолии (*Агг.*, I, 10, 2), однако, видимо, оно никак не было связано с фиванским восстанием. Какие-то волнения, возможно, были в Элиде (*Агг.*, I, 10, 1), но и в данном случае нет оснований предполагать о ее помощи восставшим фиванцам, хотя к элейцам было отправлено посольство из Фив с просьбой помочь им (*Diod.*, XVII, 8, 5).

Таким образом, восставшие Фивы оказались по существу перед лицом врага в полном одиночестве (см. *Plut.*, *Dem.* XXIII), не получив поддержки даже со стороны демократических полисов. Уэллс в своей работе «Александр и эллинистический мир» объясняет только недостатком времени то, что Фивы не вывели на поле союзную армию из Элиды, Аркадии, Мессении (возможно даже Спарты), Этолии и Афин против греческой лиги Александра⁴⁰. С этим утверждением трудно согласиться. Быстрота действий Александра лишь ускорила развязку закономерных событий. Фиванские события не только обострили отношения между противоборствующими группировками внутри греческих государств, но и показали напряженность отношений между олигархическими и демократическими полисами, всю силу межполисной вражды. Претензии Фив на гегемонию над беотийскими городами не поддерживались, как видно, демократическими государствами; открыто выступали против этого беотийские города и фокидяне, также не заинтересованные в усилении государства, претендующего на гегемонию.

³⁹ См. Фролов, ук. соч., стр. 50. О значении Оропа для обоих государств свидетельствует как факт передачи Филиппом города Афинам после Хероней с целью ослабления Фив, так и возвращение Оропа Беотии Антипатром после окончания Ламийской войны.

⁴⁰ С. В. Welles, *Alexander and the Hellenistic World*, Toronto, 1970, стр. 20.

Союзниками Александра в военных действиях против Фив были беотийцы, прежде всего платейцы, орхоменцы и феспийцы, т. е. жители городов, некогда разрушенных фиванцами, страстно ненавидевшие Фивы и боявшиеся снова оказаться под их властью⁴¹. Союзниками Александра при разрушении Фив были и фокидяне, не заинтересованные в существовании такого сильного соседа, как беотийский союз под главенством Фив (Just., XI, 3, 8; Agr., I, 8, 8). Можно предполагать, что в армии Александра, выступившей против Фив, были фессалийцы и фессалийские племена, однако главную роль в разрушении Фив играли не они, а беотийцы и фокидяне. Античные авторы, говоря о «союзниках» Александра при разрушении Фив⁴², имеют в виду именно беотийцев и фокидян. По Диодору, вопрос о судьбе Фив после их взятия был передан Александром как гегемоном синедриону лиги (XVII, 14, 1; см. также Just., XI, 3, 8). С формальной точки зрения это было вполне законно, так как восставшие Фивы являлись нарушителями Коринфского договора.

Кто же присутствовал на этом совете, где решалась судьба Фив? Юстин говорит о выступлении на совете союзников Александра (Alexandri socii) — фокидян и жителей городов Платей, Феспии и Орхомен, вспоминая о разрушении их городов фиванцами, об их жестокости и приверженности к персам и настаивавших на разрушении Фив (Just., XI, 3, 8—9; см. также Plut., Alex. XI). На совете могли присутствовать и эллины, принимавшие участие в военных действиях Александра, т. е. фессалийцы и представители фессалийских племен. Голосованием присутствовавших членов лиги и была решена судьба Фив, т. е. фактически «союзниками» Александра и врагами Фив — беотийскими городами и фокидянами. Характерно, что Арриан даже не упоминает о совете, говоря, что вопрос о судьбе Фив был решен союзниками Александра по его поручению (Τοῖς δὲ μεταχώρῳσι τοῦ ἔργου ξυμμαχοῖς, οἷς δὲ καὶ ἐπέτρεψεν Ἀλέξανδρος τὰ κατὰ τὰς Θήβας διαθεῖναι, . . . ἔδοξε . . . — I, 9, 9). Таким образом, Аррианом (вернее, его источником) это событие рассматривалось скорее не как враждебный акт Александра по отношению к восставшему против него городу, оформленный постановлением общегреческой лиги, а как итог межполисной вражды. Так же воспринималось это событие и источником Плутарха (Plut., Alex. XI). По свидетельству Арриана, фиванская земля была разделена между союзниками (τοῖς . . . ξυμμαχοῖς) . . . ἔδοξε . . . τὴν χώραν κατανεῖραι τοῖς ξυμμαχοῖς . . . — I, 9, 9), Юстин пишет о разделе земли между победителями (agri inter victores dividuntur — XI, 4, 8), что фактически также означало раздел земли между «союзниками» Александра, т. е. прежде всего между беотийцами. Павсаний прямо говорит о том, что беотийцы поделили фиванскую землю по низвержении Фив (I, 25, 4). Арриан сообщает также, что союзники постановили восстановить Орхомен и Платей⁴³. Таким образом, судьба Фив была решена союзниками Александра в своих интересах.

Конечно, не приходится отрицать, что разрушение демократических Фив, крупнейшего сухопутного государства, отвечало собственным ин-

⁴¹ Древние авторы единодушны в описании ненависти, с какой беотийцы истребляли фиванцев (D i o d., XVII, 13, 5—6; A g r., I, 8, 8; 9, 6; J u s t., XI, 3, 8—9).

⁴² D i o d., XVII, 13, 5; J u s t., XI, 3, 8; 4, 8; A g r., I, 8, 8; 9, 6; P l u t., Alex. XI; P a u s., I, 25, 4.

⁴³ A g r., I, 9, 10; ср. P a u s., IV, 27, 10; IX, 37, 8— о восстановлении этих городов Филиппом после Херонеи. Когда бы ни были восстановлены эти города — после Херонеи Филиппом, как пишет Павсаний, или, согласно Арриану, по решению совета синедриона с ведома Александра, в любом случае это означало присутствие среди беотийских городов верных союзников Македонии, ослаблявших угрозу возрождения Фив и их гегемонии.

тересам Александра ⁴⁴, который не мог оставить у себя в тылу возродившийся очаг демократического движения. Однако прежде всего разрушение Фив можно рассматривать как итог межполисной вражды. В фиванских событиях впервые в истории Коринфской лиги проявился ее характер. Лига была использована не только Александром для того, чтобы придать легальный характер своим действиям в Греции, но и второстепенными греческими государствами, которые действовали фактически под прикрытием македонского оружия, формально же под эгидой лиги. События эти показали, что второстепенные греческие государства «свободу» и «автономию» под гегемонией одного из греческих государств предпочитали «свободе» и «автономии», предоставляемой Македонией в рамках общегреческой лиги.

Иную позицию греческие государства занимали во время спартанского восстания. На обращение Спарты к греческим государствам с призывом выступить против Македонии, за свободу (Diod., XVII, 62, 6) откликнулись, как пишет довольно общо Диодор, б о л ь ш и н с т в о пелопоннесцев (Πελοποννησίων δ'οἱ πλείους) и некоторые другие (καὶ τῶν ἄλλων τινές) (XVII, 62,7). Позиция пелопоннесских государств в данной ситуации особенно важна в связи с той сложностью взаимоотношений, какая существовала в Пелопоннесе между Спартой и другими полисами на протяжении целого ряда лет.

Эсхин в своей речи на процессе о венке, желая в неблагоприятном свете представить позицию Демосфена во время выступления Спарты против Македонии как позицию, по-видимому, бездейственную (ἡμῖν ἀπόδειξιν ποιῆσαι Δημόσθενος, τί ποτ'ἦν ἃ ἐπράξαας, ἢ τί ποτ' ἦν ἃ ἔλεγες) в такое благоприятное для антимакедонского выступления время, когда Александр был далеко (ὁ δ' Ἀλέξανδρος ἔξω τῆς ἄρκτου καὶ τῆς οἰκουμένης ὀλίγου δεῖν πάσης μεθειστήκει), Антипатр же, видимо, не без труда (πολὸν χρόνον) еще набирал войско, перечисляет те пелопоннесские государства, которые примкнули к восставшим лакедемонянам: Ἠλεῖοι δ'αὐτοῖς συμμεταβάλλοντο καὶ Ἀχαιοὶ πάντες πλὴν Πελλήνησιν, καὶ Ἀρκαδία πάσα πλὴν Μεγάλης πόλεως (Aesch., III, 165). Эсхин в таком контексте должен был дать полный перечень городов, участвовавших в антимакедонском восстании. Вместе с тем вряд ли он мог здесь что-либо преувеличить, так как события эти были еще свежи в памяти его слушателей.

Можно лишь предполагать, какая борьба внутри Аркадской лиги предшествовала присоединению ее вооруженных сил к спартанскому войску, которые должны были в результате этого оказаться в числе тех, кто осаждал главный город лиги — Мегалополь. В рассказе Курция Руфа об итогах спартанского выступления (Tegeatae veniam defectioni praeter auctores impetraverunt — VI, 1, 20) нашло отражение глухое эхо волнений в аркадских городах в связи с выступлением Спарты. Важно отметить присоединение к антимакедонскому выступлению Спарты элейцев (Aesch., III, 165; Din., I, 34), которые в 338 г. до н. э. участвовали в походе Филиппа в Пелопоннес против Спарты. Установление тирании в Пеллене в 335 г. дает возможность предполагать, что это насильственное действие по отношению к демократическому ахейскому союзу могло быть следствием каких-то волнений во время фиванских событий. Вместе с тем нет оснований предполагать участие ахейцев в фиванском восстании. Во время же выступления Спарты все города Ахейской лиги, кроме Пеллены, где в это время продолжалось тираническое правление Херона, участвуют совместно с лакедемонянами в осаде Мегалополя ⁴⁵. Что касается Мессении

⁴⁴ L a i s t n e r, ук. соч., стр. 294; H. B e n g t s o n, The Greeks and the Persian, L., 1968, стр. 306.

⁴⁵ A e s c h., III, 165; D i n., I, 34; C u r t., VI, 1, 20.

и Аргоса, то нет никаких оснований рассматривать их как союзников Спарты⁴⁶. Эсхин, не упускавший возможности опорочить Демосфена, не мог бы, перечисляя государства, присоединившиеся к Спарте, не сказать (если бы это было в действительности), что да же Мессения и Аргос присоединились к восстанию, а Демосфен при такой благоприятной для восставшей Спарты ситуации бездействует (ср. Aesch., III, 165). Невозможно также определенно утверждать, что эти государства были в числе греческих союзников Антипатра⁴⁷. В связи с намечавшимися демократическими сдвигами в этих государствах и ослаблением антиспартанской направленности в ряде других пелопоннесских государств, в частности в Аркадии, можно предполагать, что в спартанских событиях эти государства сохраняли нейтралитет. Единственное упоминание об участии этолийцев в антимакедонском выступлении Спарты имеется у Курция Руфа (VI, 1, 20), когда он, говоря об итогах восстания, среди назначенных к уплате штрафа Мегалополю называет ахейцев и этолийцев. Однако участие этолийцев в спартанском восстании очень сомнительно, так как они были озабочены в этот период сложной внутривнутриполитической обстановкой в своей стране.

Говоря о греческих союзниках Македонии во время спартанского восстания, античные авторы ограничиваются общим термином «союзники» (*συνμαχοι*). Известно, что у Антипатра с отрядами эллинов-союзников было не менее 40 тыс. человек (Diod., XVII, 63, 1). Антипатр получил от Александра, по-видимому, большую сумму денег для подавления спартанского восстания (Arr., III, 16, 10); это позволяет предполагать, что значительную часть в его войске, выступившем против Спарты, составляли наемники. Антипатр, как пишет Диодор, узнав о подготовке к антимакедонскому восстанию в Пелопоннесе, направился туда со всем войском (*μετὰ πάσης τῆς δυνάμεως* — XVII, 63, 1). Слова *πάσα ἡ δύναμις* означают войско, оставленное Антипатру еще Александром, так как далее Диодор пишет о присоединении отрядов эллинов-союзников (XVII, 63, 1). Именно это войско и составляло, вероятно, основную часть армии Антипатра при подавлении спартанского восстания. Антипатр, как утверждает Эсхин, набирал войска в течение долгого времени (*πολὸν χρόνον* — III, 165), что объясняется, видимо, не только тем, что помощь от Александра пришла далеко не сразу, но и трудностью набора войск эллинов-союзников, членов Коринфской лиги. Сбор войска греческих союзников был затруднен, по-видимому, волнениями в Фессалии и среди фессалийских племен (Aesch., III, 167), хотя вряд ли это предотвратило их участие в походе Антипатра против Спарты. Если можно говорить о затруднениях при наборе войска даже среди фессалийцев и фессалийских племен, тем более мы вправе предполагать о нежелании беотийских и фокидских городов сражаться против Спарты в союзе с Антипатром, с которым они не были связаны узами, как с Александром; к тому же у македонского царя начались в то время разногласия со своим наместником (Curt., VI, I, 18—19). Но и те, и другие могли быть принуждены к этому как участники Коринфского договора. В целом можно думать, что греческие союзники в армии Антипатра вряд ли играли значительную роль.

И для Спарты, и для Македонии немаловажное значение имела позиция Афин и ориентация Демосфена как лидера антимакедонского направления. Эсхин неоднократно во время процесса о венке пытался убедить слушателей в бездействии Демосфена в период спартанских событий (III, 165, 167). Однако цитируя слова Демосфена, что тот поднимал фесса-

⁴⁶ Ср. Радциг, ук. соч., стр. 558.

⁴⁷ Ср. Laistner, ук. соч., стр. 323.

лийцев и перребов на восстание, Эсхин (III, 167) по существу не может этого опровергнуть всерьез. Кроме того, в конце своей обвинительной речи Эсхин заявил следующее: *ἡμερῶν μὲν ὀλίγων μέλλει τὰ Πύθια γίγνεσθαι καὶ τὸ συνέδριον τὸ τῶν Ἑλλήνων συλλέγεσθαι· διαβέβληται δ' ἡ πόλις ἐκ τῶν Δημοσθένους πολιτευμάτων περὶ τοὺς νυνὶ καιροὺς· δόξετε δ', εἰ μὲν τοῦτον στεφανώσητε, ὁμογνώμονες εἶναι τοῖς παραβαίνουσι τὴν κοινὴν εἰρήνην, εἰ μὲν δὲ τούναντιον τοῦτου πράξετε, ἀπολύσετε τὸν δῆμον τῶν αἰτιῶν.* (III, 254). Таким образом, антимакедонское выступление Спарты и присоединившихся к ней государств рассматривалось Эскином как нарушение «общего мира». Если же награждение Демосфена венком трактовалось его противником как согласие с теми, кто нарушил этот «общий мир», следовательно, политика Демосфена, из-за которой афинское государство подвергалось, по словам Эскина, упрекам, не могла быть политикой невмешательства в спартанские события и тем более противодействия антимакедонскому движению, так как речь об этом велась незадолго до заседания синедриона. Вместе с тем нельзя совсем отбрасывать и предыдущие заявления Эскина о бездействии Демосфена в отношении Спарты, тем более что Демосфен в ответной речи (XVIII) никак не отреагировал на эти обвинения Эскина. Дополняет эти противоречивые сведения Эскина о позиции Демосфена описание Плутархом спартанских событий: *Ἀπελθόντος δὲ Ἀλεξάνδρου μεγάλοι μὲν ἦσαν οὗτοι (имеются в виду Демад и его сторонники. — М. К.), ταπεινὰ δ' ἔπραττεν ὁ Δημοσθένης. Κινουμένῳ δὲ Ἀγῶδι τῷ Σπαρτιάτῃ βραχέα συνεχινήθη πάλιν, εἰτ' ἔπηξε, τῶν μὲν Ἀθηναίων οὐ συνεξαναστάντων...* (Plut., Dem. XXIV). На основании этих сведений из Эскина и Плутарха о позиции Демосфена можно полагать, что в начале спартанского восстания Демосфен выступал за активную помощь Спарте. Практическое содействие (в частности, побуждение к восстанию фессалийцев и некоторых из фессалийских племен) могло быть оказано именно на первом этапе восстания, когда Антипатр был, возможно, еще во Фракии из-за выступления Мемнона (Diod., XVII, 62, 4—6), и Агис обратился с призывом к греческим государствам присоединиться к лакедемонянам в борьбе за свободу (Diod., XVII, 62, 6). Диодор так пишет о реакции афинян на призыв Спарты: *Ἀθηναῖοι μὲν οὖν παρὰ πάντα τοὺς ἄλλους Ἑλληνας ὑπ' Ἀλεξάνδρου προτιμώμενοι τὴν ἡσυχίαν ἤσαν* (XVII, 62, 7). Демосфен же, по свидетельству Плутарха, именно тогда отказался от активных действий в поддержку Спарты, когда афиняне решили сохранять нейтралитет в спартанских событиях (Plut., Dem. XXIV). Эсхин (III, 165), вспоминая о спартанских событиях, говорит, что пелопоннесцы присоединились к лакедемонянам после того, как последние вместе со своими наемниками одержали победу над войском Коррага. Именно к этому времени относятся и его упреки по поводу бездействия Демосфена. Таким образом, реакция афинян, о которой пишут Диодор и Плутарх, проявилась, по видимому, именно в решающий момент спартанского восстания, когда Мегалополь уже был осажден, Антипатр же еще в Пелопоннес не прибыл, т. е. в решающий момент верх одержала, не без борьбы мнений в народном собрании, промакедонская группировка. Таким образом, вместе со Спартой сражались против Македонии в основном эллины из пелопоннесских государств. Эсхин (III, 165) в качестве союзников называет только пелопоннесцев, так же как и Динарх (I, 34), имея своим источником для данной речи, видимо, речь Эскина о венке. Если учесть, что города выставляли, как пишет Диодор, цвет своей молодежи (*καταγράφοντες τῶν νέων τοὺς ἀρίστους* — XVII, 62, 7) в отличие от лакедемонян, которые вышли на войну всем народом (*πανδημίαι* — XVII, 62, 8), а общее число записавшихся на войну воинов было весьма значительно (не менее 20 тыс. пехотинцев и около 2 тыс. всадников — XVII, 62, 7), очень

многие пелопоннесские города присоединились к Спарте, и их войска весьма активно участвовали в сражении против не уступающего им численно войска Антипатра⁴⁸. Причем показательно, что на стороне Спарты оказались и некоторые из тех пелопоннесских государств, которые во время вторжения Филиппа в Пелопоннес после Хероней выступили против Спарты.

Сведения о том, как решался вопрос о судьбе Спарты после поражения антимакедонского восстания, сохранились лишь у поздних авторов — Диодора (XVII, 73, 5—6) и Курция Руфа (VI, 1, 19—20). Оба автора при описании событий, последовавших за разгромом восставших лакедемонян и их союзников, видимо, пользовались одним и тем же источником, ибо сведения их расходятся лишь в некоторых деталях. На заседании синедриона, собравшемся в Коринфе, присутствовали, вероятно, как сторонники Македонии, так и те, кто сочувствовал антимакедонскому движению, но сохранял нейтралитет, о чем свидетельствуют длительные дебаты во время заседания, о которых говорит Диодор (πολλῶν ῥηθέντων λόγων πρὸς ἕκαστον μέρος — XVII, 73, 5). Итогом этих заседаний была передача решения вопроса о Спарте Александру — и Диодор (XVII, 73, 6), и Курций Руф (VI, 1, 20) пишут о том, что к Александру были отправлены лакедемонские послы.

Ход спартанских событий и итог спартанского восстания в значительной степени объясняются тем, что в конце 30-х гг. IV в. до н. э. Спарта не претендовала на гегемонию в Пелопоннесе.

Таким образом, в Коринфской лиге, объявлявшей свободу и автономию всех полисов, не было места союзам типа Афинского или Беотийского под гегемонией Фив. Провозглашение свободы и автономии означало формальное предоставление равных прав в сем государствам — участникам Коринфского договора. Это формальное равенство означало отныне для ведущих греческих государств невозможность претендовать на гегемонию над другими полисами и уменьшало, таким образом, влияние главных потенциальных врагов Македонии; вместе с тем невмешательство во внутренние дела других государств как следствие провозглашенной автономии полисов вело к усилению влияния государств небольших. Нам представляется, что «свобода» и «автономия» в конкретной, исторической ситуации 30—20-х гг. IV в. до н. э. означали для Греции рост политического влияния малых государств, в которых было установлено к этому времени преимущественно олигархическое правление, поддерживаемое Македонией. Проведение в жизнь этих условий Коринфского договора означало для Македонии усиление ее влияния в Греции через малые олигархические государства. Именно этим, на наш взгляд, можно объяснить тот факт, что многочисленные объединения второстепенных греческих полисов — *κοινά* — не только не распускались при заключении Коринфского договора, но имели явную поддержку со стороны Македонии.

Некоторые *κοινά* были, по-видимому, даже восстановлены Филиппом. Сохранялась Беотийская лига, в которой после 338 г. Фивы перестают играть ведущую роль⁴⁹; как показали события 335 г., беотийские города, входившие в Лигу, занимали промакедонскую позицию⁵⁰. Вероятно, продолжала

⁴⁸ Диодор пишет, что лакедемоняне, державшиеся долго и мужественно, отступили в Спарту, когда их союзники были разбиты (των δε συμμαχων βιασθεντων, XVII, 63, 2).

⁴⁹ А г р., I, 7, 11; Н у р., I, 18.

⁵⁰ Премакедонская ориентация беотийцев сохранялась даже после смерти Александра; она объясняется их боязнью перед восстановлением Фив Афинами. Об участии беотийцев в Ламийской войне на стороне Македонии см. Н у р., Epit. V, 11; P l u t., Phoc. XXVIII; P a u s., I, 25, 4.

существовать Эвбейская лига⁵¹. Судя по сообщению Диодора (XVII, 23, 9) о том, что при известии о намерении Мемнона плыть с войском к Эвбее, города были охвачены страхом, Эвбейская лига также была настроена, видимо, промакедонски. Союзницей Александра во время фиванских событий была лига фокидских городов, восстановленная Филиппом. Сильные промакедонские настроения были и в Аркадской лиге, что также проявилось во время и после антимакедонского восстания в Фивах (Агг., I, 10, 1). Оплотом Македонии здесь постоянно оставался главный город лиги — Мегалополь.

В *κοινόν* объединялись мессенские города. Здесь, как и в Аркадии, шла постоянно политическая борьба, причем оплотом Македонии также была столица — Мессена. В Мессении антимакедонское движение, несмотря на противодействующие этому антиспартанские настроения, вероятно, было значительно сильнее, чем в Аркадии. Свидетельствуют об этом как изгнание демократами мессенских тиранов Неона и Фрасилоха после смерти Филиппа, так и их восстановление Александром ([Dem.], XVII, 4, 7). Города Ахейской лиги постоянно имели демократическое управление (Polyb., II, 41, 6) и занимали антимакедонскую позицию в отличие от других *κοινά*, о которых шла речь, выше⁵². Сохранив эту лигу, Филипп, по-видимому, передачей Навпакта от ахейцев Этолии⁵³ сделал попытку ее (т. е. лигу) ослабить. Именно неизменной антимакедонской направленностью Ахейской лиги было вызвано свержение демократии и установление тирании Александром в одном из самых крупных городов Ахайи — Пеллене⁵⁴. Отныне Пеллена становится средоточием промакедонских сил в ахейском союзе.

Что касается организации этолийцев, то, как известно из надписи, найденной на афинской агоре (God, № 137), Этолийская лига существовала уже к 367 г. Свидетельство Арриана, приводимое в рассказе о событиях, последовавших за разрушением Фив, о посольствах, отправленных к Александру этолийскими племенами (*κατά ἐθνη* — I, 10, 2), несколько не противоречит факту существования этолийского *κοινόν*⁵⁵. Судя по тем отрывочным, скудным данным из античных авторов, которые имеются в нашем распоряжении, позиция этолийского *κοινόν* по отношению к Македонии не была устойчивой. Как отмечалось выше, этолийцы, получившие от Филиппа Навпакт, при Херонее сражались на стороне Македонии. Однако для времени Александра известен целый ряд фактов, свидетельствующих об антимакедонской направленности этолийского *κοινόν* вплоть до Ламийской войны, инициаторами которой они, как известно, были наряду с афинянами⁵⁶. В источниках неоднократно встречаются факты, свидетельствующие о том, что в 30—20-х гг. IV в. до н. э. этолийцы были заняты расширением своего союза главным образом за счет отдельных районов Акарнании, присоединяя их к себе иногда даже насильственно, как, например, Эниады⁵⁷.

⁵¹ R o e b u c k, ук. соч., стр. 82; ср. Ф р о л о в, ук. соч., стр. 49.

⁵² A e s c h., III, 165; D i n., I, 34.

⁵³ D e m., IX, 34; R o e b u c k, ук. соч., стр. 77; J. A. O. L a r s e n, The early Achaean League, Studies presented to David M. Robinson, II, Washington, 1953, стр. 807.

⁵⁴ [D e m.], XVII, 10; P a u s., VII, 27, 7.

⁵⁵ См., J. A. O. L a r s e n, Representative Government in Greek and Roman History, Berkeley, 1955, стр. 71; Эренберг утверждает даже существование этолийской федерации (The Greek State, стр. 125); ср. E. A. F r e e m a n, History of federal government in Greece and Italy, L.—N. Y., 1893, стр. 256.

⁵⁶ D i o d., XVII, 3, 3; A r r., I, 10, 2; P l u t., Alex. 49; P o l y b., IX, 29, 4; J u s t., XIII, 5, 1—2.

⁵⁷ P l u t., Alex. 49; D i o d., XVIII, 8; P a u s., I, 25, 4.

Именно сложная внутривосточная обстановка не позволила, по-видимому, этолийцам активно участвовать в Ламийской войне, хотя антимакедонская направленность союза проявилась в том, что они, как указывалось, были ее инициаторами, а после поражения эллинов представляли убежище эллинским изгнанникам (Polyb., IX, 29, 4). Среди тех, чьей помощи Фивам опасался Александр во время их выступления, Арриан называет наряду с афинянами и лакедемонянами «ненадежных этолийцев» (Αἰτωλοὶ οὐ βεβαίοι ὄντες... — I, 7, 4). Заслуживает внимания рассказ Плутарха о событиях, последовавших за убийством Филота и Пармениона. Убийства эти внушили страх перед Александром его друзьям, особенно Антипатру, который тайно (κρυφά) отправил послов к этолийцам для заключения союза. Этолийцы, говорит далее Плутарх (Alex. XLIX), боялись Александра после разрушения Эпира. В момент формирования Коринфской лиги ориентация Этолийского *κοινόν*, видимо, не вызывала опасений Филиппа. Однако явно проявляющиеся демократические и антимакедонские тенденции растущего этолийского союза не могли не вызывать опасений Александра, о чем свидетельствуют приведенные отрывки из Арриана и Плутарха. Вместе с тем начавшееся после 330 г., как отмечает Плутарх, расхождение между Александром и Антипатром, который почти бесконтрольно осуществлял своего рода надзор над Грецией, могло привести к столь необычному для Антипатра обращению для заключения союза к демократической Этолийской лиге.

Именно этими обстоятельствами может объясняться то, что по отношению к Этолийской лиге не применялись никакие репрессивные меры со стороны Македонии; необходимо принимать во внимание также некоторую изолированность Этолии от других демократических государств. Соседство фокидских городов, постоянных македонских союзников, не отмеченное в источниках, но вполне вероятное недовольство ахейского союза передачей Навпакта Этолии, наконец, македонский гарнизон, стоявший в Амбраккии, — все это также могло позволять Македонии оставить демократическое этолийское объединение в рамках Коринфской лиги без вмешательства во внутренние дела Этолийского союза.

Самое крупное объединение — Фессалийское *κοινόν* было опорой Македонии в Греции еще до образования Коринфской лиги. Начиная со времени спартанских событий и вплоть до Ламийской войны в Фессалии и среди фессалийских племен усиливается демократическое движение⁵⁸. Однако в момент образования Коринфской лиги Фессалия была верной союзницей Македонии, и в тот период, когда Александр добивался от греческих государств признания его гегемоном лиги, фессалийцы признали его первыми (Diod., XVII, 4, 1).

Говоря о политической роли греческих объединений типа *κοινόν* в 30—20-х гг. IV в. до н. э., можно отметить следующее.

Многие *κοινά* этого периода держались промакедонской ориентации; в тех олигархических объединениях, где проявлялись демократические тенденции, и тем более в демократических лигах, как правило, главный город лиги был оплотом Македонии, причем иногда здесь происходило насильственное уничтожение демократического строя и замена его тиранией при явной поддержке Македонии. Эти объединения или олигархические группировки внутри них были оплотом Македонии в Коринфской лиге; именно на них и был рассчитан тот лозунг «свободы» и «автономии» греческих государств, с которого начинался Коринфский договор.

В свете изложенного выше представляется сомнительным широко распространенное в исторической литературе мнение о том, что в 324 г.

⁵⁸ A e s c h., III, 167; D i o d., XVIII, 11; H y p., Epit. V, 13.

Ахейская, Беотийская и Аркадская лиги были распущены Александром. В речи Гиперида против Демосфена об этих лигах говорится в связи с распоряжением Александра об изгнанниках, доставленным в Элладу Никанором: ἦκεν φέρων παρ' Ἀλεξάνδρου περὶ τε τῶν φυγάδων καὶ περὶ τοῦ τοῦσ κοινοῦσ συλλόγους Ἀχαιῶν τε καὶ Ἀρκά[δ]ων καὶ [Β]οιωτῶ[ν] (Нур. I, 18).

Однако нужно отметить, что папирус с данной речью Гиперида сохранился очень плохо. Заслуживает внимания мнение, высказанное А. Эймаром, специально занимавшимся исследованием этого папируса, о том, что в указе Александра, доставленном Никанором, речь шла не о роспуске κοινά, а возможно, об обожествлении Александра этими греческими союзами⁵⁹.

Политика Александра по отношению к греческим союзам типа κοινά, по-видимому, не отличалась в основном от политики Филиппа; как и Филипп, Александр сохранял эти объединения в рамках Коринфской лиги и был заинтересован в их существовании, так как через них главным образом проводилась македонская политика в Греции; именно противопоставляя их бывшим государствам-гегемонам, можно было обеспечить так называемый «общий мир» и сохранять, таким образом, был спокойным.

Не только синедрион, т. е. совет представителей союзных государств, но и специальные должностные лица (...οἱ ἐπὶ τῇ κοινῇ φυλακῇ τεταγμένοι — видимо, представители Македонии) должны были следить за тем, чтобы не нарушались следующие условия Коринфского договора: μή γίνωνται θάνατοι καὶ φυγαὶ παρὰ τοὺσ κειμένους ταῖσ πόλεσι νόμους, μηδὲ χρημάτων δημεύσεις, μηδὲ γῆσ ἀνάδασιμοί, μηδὲ χρῶν ἀποκοπαί, μηδὲ δούλων ελευθερώσεις ἐπὶ νεωτερισμῶ — [Dem.], XVII, 15.

Некоторые из этих условий охраняли интересы имущих групп греческих полисов, причем запрет отбирать в казну имущество мог быть скорее всего направлен против демократических государств, т. е. объективно поддерживать имущих, придерживающихся промакедонской ориентации; запрещение передела земли и отмены долгов касалось прежде всего тех государств, где такие лозунги могли иметь место, т. е. во всяком случае не афинского государства, где подобные явления в этот период не наблюдались.

Запрещение освобождать рабов в целях государственного переворота было тесно связано с одним из основных условий Коринфского договора — сохранением status quo; что же касается запрета применять казни и изгнания вопреки установленным в государствах законам (...παρὰ τοὺσ κειμένους ταῖσ πόλεσι νόμους...), то можно с полной определенностью утверждать, что направлен он был на защиту сторонников Македонии.

В целом можно сделать вывод, что эти условия договора, которые должны были быть под охраной как синедриона, так и, по-видимому, македонских представителей, носили ярко выраженный классовый характер и, кроме того, имели промакедонскую направленность.

Коринфская лига служила орудием македонского контроля над Грецией как при Филиппе, так и при Александре. Этим, однако, роль лиги в политической истории Греции не ограничивалась. Лига связывала не только македонского царя с Грецией, но и греческие полисы между собой; договор лиги определял политическую жизнь греческих государств, начиная со времени создания этой организации и вплоть до 322 г., когда в ходе Ламийской войны Коринфская лига была аннулирована. Создание и функционирование этой организации было возможно в очень большой степени благодаря тому, что олигархические группировки греческих

⁵⁹ A. A u m a r d, Un ordre d'Alexandre, REA, XXXIX, 1937.

полисов и даже отдельные греческие государства были заинтересованы в ее существовании.

В годы, предшествующие Херонейской битве и заключению общего мира, Македония, с одной стороны, олигархические группировки греческих полисов и второстепенные греческие государства, ориентирующиеся на Македонию, с другой, — использовали в своих интересах в качестве политического инструмента древнейшую религиозную организацию — дельфийскую амфикионию; после же 338 г. таким политическим орудием для обеих сторон служила Коринфская лига.

В изменившихся исторических условиях 30—20-х гг. IV в. до н. э. наблюдается уменьшение или сведение на нет политической роли полисов, бывших прежде ведущими государствами в Греции, и возрастание роли в политической жизни Греции многочисленных второстепенных полисов, объединенных в *κοινά*, которое начинает проследиваться уже в предшествующие годы. Такое соотношение политических сил в Греции в значительной степени определялось проведением в жизнь основного лозунга Коринфского договора — «свобода» и «автономия» всех греков. «Свобода» для большинства греческих государств была лишь формальной; «автономия» же, сохранявшая для самих эллинов прежнее значение, в этот именно период в конкретной исторической действительности, по-видимому, начинает приобретать то значение, которое окончательно сформируется в эллинистическую эпоху.

THE LEAGUE OF CORINTH AND ITS ROLE IN THE POLITICAL HISTORY OF GREECE IN THE THIRTIES AND TWENTIES OF THE FOURTH CENTURY B. C.

M. A. Kondratyuk

The League of Corinth, set up after the defeat of the Greeks at Chaeronea and uniting the Greek cities under the hegemony of the Macedonian kings, is usually regarded as the creation of Philip II, used by him and Alexander to control Greece. It is also commonly held that the League was imposed on the Greeks against their will and that the unification of Greece within this organisation was artificial and ephemeral. This evaluation is essentially correct, but it leaves unelucidated the important question as to the role of this organisation in the political history of Greece proper. The testimony of ancient authors goes to show that the League of Corinth tied not only the Macedonian king to Greece but the Greek poleis to one another. The League treaty shaped the political life of the Greek states from the time it was created to the time it was dissolved, in 322 B. C. It was exploited as a political instrument not only by Philip and Alexander, but also by oligarchical factions in the Greek cities and by second-rank Greek states with a Macedonian orientation. To a considerable degree it was the fact that these groups were interested in the League's existence which made the creation and functioning of the organisation possible. In the altered political situation of the thirties and twenties of the 4th century numerous second-rank cities, united in their own *κοινά*, gained in political importance, while the position of cities which formerly wielded hegemonic power became less important or lost their importance altogether. This change in the relationship of political forces in Greece helped bring to life the slogan of «freedom and autonomy» proclaimed in the founding treaty of the League. For the majority of poleis «freedom» proved to be merely formal, while in these decades and this particular historical situation «autonomy» began to take on the meaning we find fully established in the Hellenistic period.